

(Окончание. Начало на стр. 1)

- А что говорит в этом смысле ваш собственный любовный опыт? Он был удачен?

- Да, как бы иногда ни были тяжелы чисто житейские обстоятельства. Я ведь приехал сюда работать в качестве корреспондента районной газеты Домодедова. Моя зарплата равнялась 80 рублям в месяц. Но все мысли у меня, конечно, были о Москве. Днем я разъезжал по фермам, племенным хозяйствам, подмосковным заводам железобетонных изделий, писал о них заметки, а также фельетоны про контрольные закупки в местных точках общепита. А вечером бегом на электричку - и в Москву! До сих пор помнятся эти вагонные тамбуры, пропахшие насквозь запахом плохого табака... То есть всего того, что достается приезжему, пришлось хлебнуть сполна. Так вот, в Москве я вечерами репетировал в ансамбле, где играл на банджо. Музыка наша, правда, была с некоторым изгибом - так называемые американские варварские песни.

- В каком смысле?

- Ну, например, индейские, мексиканские, ковбойские... Кто же они, как не варвары? Кроме того, разумеется, нужно было еще и ухаживать за девушками. Трудно не ухаживать, когда тебе всего лишь двадцать один год. Электричка же на Домодедово имела свой предел - только до часу ночи. Но к часу ты всегда, как правило, опаздываешь, потому как надо еще и нацеловаться всласть. Если ты этому делу не отдаешься полностью, то это - не что иное, как гимнастика для мышц лица.

- Стало быть, популярная некогда песенка «Опять от меня сбежала последняя электричка» - это и про вас в том числе?

- Конечно. Только мне по шпалам шагать не приходилось - было слишком далеко и слишком холодно. И вот уже мы, дружная компания - то есть воры, цыгане и я, - коротаем ночь в зале ожидания Павелецкого вокзала. А так как к утру мне нужно доставить в редакцию газеты целые три корреспонденции, я их пишу тут же на скамье. Редактор у нас был ужасно строгий, за что я ему, кстати, очень благодарен до сих пор.

Потом я жил уже в Москве, в обычной двухкомнатной хрущевке со смежными комнатами. И для того чтобы прокормить семью, был вынужден писать все те же бесконечные заметки. Ибо, хотя за редактуру в ТАСС мне, конечно, кое-что платили, этого было явно недостаточно. Днем, стало быть, редактируешь то, что написано другими, а по вечерам надо бегать по Москве, собирать материал для газетных репортажей... С другой стороны, в хрущевке особенно-то не распришься, тем более что к тому времени у меня уже родился сын Денис (сейчас он учится на первом курсе Института телевидения и радиовещания). Так вот, в том душном чулане, где я занимался своей писаниной, мне пришлось просверлить три дырки - для того чтобы просто было чем дышать. Затем я постарался убедить семью, что надо теперь выкинуть оттуда старую швейную машину и вообще весь хлам, который накопился там за долгие годы. Дырки в стене, однако, давали весьма мало воздуха, пришлось поставить вентилятор. На громяхющей пишущей машинке по ночам работать было также невозможно, ибо спал ребенок. Поэтому приходилось писать от руки. Так продолжалось три-четыре года...

- Однако сегодня огромная часть нашего населения готова не спать до двух часов ночи во время трансляции ваших программ.

- На мой взгляд, это результат верно расставленных приоритетов. Надо всего лишь точно определить, что от тебя, собственно, нужно большинству твоих соотечественников, и служить им. Да, можно сказать, что есть в этом нечто молчалинское. А можно сказать и так, что это путь... Матери Терезы. Вспомним булгаковский «Театральный роман»: «Ах, как я хочу им понравиться, когда они мне ни фига не интересны!» Надо прежде всего понять, какой от тебя прок большому числу зрителей, и исходя из этого действовать. И помнить, что человек только таков, каков он есть.

стим, смысл жизни. Что это значит, интересно знать? Так я, кстати, однажды затащил к себе на передачу в прямом эфире писателя Нормана Мейлера - невероятного, от казывающегося от всех выпутлений в Америке Нормана Мейлера. Того самого, что представляет собой основу бродильного, ищущего сознания Америки...

- Но при чем здесь «смысл жизни»?

- А вот при чем. Летели мы как-то из Нью-Йорка в Москву. И вдруг подбегает ко мне фотохудожник Сережа, специализирующийся на фотопортретах знаменитых людей эпо-

кальность этого события? Многие ли знают у нас Мейлера?

- Надо сказать, что на каждый роток не накинешь платок. Я сам прекрасно понимаю, что не все наши передачи были в равной степени успешны. Ведь успех любой телепрограммы прямо пропорционален тому количеству людей, которым она принесла пользу.

- Скажите, а не происходит ли в подобном случае у телеведущего своего рода «головокружения от успеха»? Не возникает ли у него некоего комплекса суверенности?

цифровая мера художественности вот какова: это количество повторных обращений к продукту творчества. «Крейцерову сонату» Льва Толстого ты будешь читать и перечитывать заново. Или вот, скажем, «Завтрак для чемпионов» Курта Воннегута я перечитываю раз в два года точно. «Лолиту» Набокова я перечитываю раз в два года непременно. Томик Маркеса у меня расстрепан так, как не расстрепан часослов у иного протоиерея...

А вот мои передачи - возможно, яркие и интересные в момент их выхода в эфир, уже через неделю вряд ли захочешь посмотреть еще раз.

- Да, 26 февраля сего года состоялся показ нашей новой телевизионной викторины «Народ против» с эффектом возрастания суммы выигрыша. Это опять же произведение (последнее по времени) той самой английской творческой группы, которая прославилась во всем мире своим проектом «Кто хочет стать миллионером?». На НТВ, где я ее вел, она шла под названием «О, счастличик!».

- И в чем же суть новой игры?

- В ней могут участвовать не только студийные игроки, но и телезрители, задающие им вопросы. И если игрок не отвечает на вопрос зрителя, зритель, откуда бы он ни приехал, занимает место этого игрока и забирает себе его деньги.

- Говорят, оформление и декорации новой передачи - тоже дело рук англичан?

- Да, это, на мой взгляд, - самая великолепная и супер-современная режиссерская постановка, подобной которой у нас еще не было. Декорации потрясающей красоты созданы по последнему слову современного телевизионного дизайна. Впрочем, как я уже не раз говорил, качество гражданства не имеет.

- Что ж, будем с нетерпением ждать этой премьеры. Но вот опять же говорят, что грядут какие-то изменения в передаче «Ночная смена», причем речь идет чуть ли не о вашем уходе оттуда?

- Кто вам такое сказал? Напротив, как я думаю, мы только что нашли в «Ночной смене» тот самый искомый современный язык - пятнадцать минут идет на разговор с гостем программы, а затем - пятнадцать минут первоклассного видео. И, наконец, «Ночная смена» вскоре получает мощное подкрепление в лице Андрея Кнышева, Андрея Макаревича и Андрея Столярова - кумиров и корифеев нашего отечественного ТВ.

- Андрей Кнышев - знаменитый юморист, один из авторов-создателей легендарной передачи советского ТВ «Веселые ребята». И что он будет делать у вас?

- Кнышев - гений, раздвигающий привычные представления о телевидении двадцать первого века. Речь идет о возможностях компьютерной графики, благодаря которым литература (в лице Кнышева) получает совершенно новую форму выражения. Что и будет в самом скором времени ЭКСКЛЮЗИВНО представлять «Ночная смена». Осмелюсь заявить, что писатель Кнышев и режиссер Джинанян открыли на телевидении совершенно новый оригинальный жанр. И увидев это, повторяю, будет можно только в нашей передаче!

- А как у вас обстоят дела с еще одним вашим проектом, но уже в области блюзовой музыки?

- Вы имеете в виду выход компакт-диска группы «Антропология»? Его презентация состоялась 21 февраля в клубе «Б-2».

- Кстати, ваша песня «Ром и пепси-кола» стала уже, кажется, хитом сезона...

- Но на этой пластинке - не только она. Там звучат в нашей интерпретации и такие знаменитые шедевры легендарного Майка Науменко, как «Бедность», «Дрянь»... Думаю, нам удалось создать новый блюзовый звук, которым мы очень гордимся. А 9 марта мы выступаем с концертом в ДК «Меридиан», где ожидаем всех, кого интересует наше творчество...

- Да, удивительный вы все же человек. Поэтому будем с нетерпением ждать, чем еще удивит нас в будущем этот неожиданный, непредсказуемый Дмитрий Дибров...

Беседу вел Владислав ЧЕБОТАРЕВ

ДУША В ТЕЛЕ

Павелецкая, 13 - 2002 - 2 марта - с. 12

А именно, что большинству зрителей вообще ничего не интересно. КРОМЕ НИХ САМИХ. Главное для тебя - не видеть в этом ровно ничего предосудительного. Не следует скорбно заламывать руки и вопрошать: «Ну отчего ныне не слушают Скрыбина? Куда исчезли симфонические передачи? Где оно, высокое искусство: пир ума и духа?»

- Насколько помнится, в той же вашей легендарной «Антропологии» вы обсуждали порой со своими гостями такие суперсложные материи, которые вряд ли могли быть понятны простым людям.

- Так только кажется. Всегда абсолютно со всеми гостями я веду себя как мой зритель. Я не стесняюсь, например, спросить у собеседника, что такое «престижизитация» (хотя и знаю, что это такое). Но упаси меня Господь показывать своему зрителю, что я хоть на йоту знаю больше его самого! Если я что-то лучше и больше знаю, это будет видно само собой, помимо моей воли. А сейчас я должен послужить последнему по начитанности из моих зрителей и не постесняться спросить у академика, что, к примеру, означает «конвергенция двух систем». Или что собой представляет «нанометрия»...

- О какой-то вам, очевидно, также явно кое-что известно. Откуда, кстати, в вас столь ярко выраженная энциклопедичность? Что это - результат какого-то системного обучения?

- Ну что вы, о какой системной образованности можно говорить в наше время! Я вот, скажем, не знаю латыни.

- Но зато вы бегло говорите по-английски.

- И не только, кстати, по-английски. Но ведь двуязычие, на мой взгляд, это норма. Вполне естественно для современного человека говорить на нескольких языках. Никакой особой доблести здесь нет. Именно таким образом я и выводил для себя когда-то определение «совка»... Я вообще люблю играть в определения, дефиниции. В Америке, как я слышал, есть даже специальный институт, который только дефинициями и занимается.

Вот, к примеру, часто говорят о пошлости. Пусть мне дадут дефиницию пошлости! Меня постоянно по жизни преследует понятие вкусовщины - дурной вкус, хороший вкус... Но пусть мне скажут, ЧТО ТАКОЕ - вкус! Или, допу-

хи. И говорит: «Слушай, в салоне первого класса летит, оказывается, сам Норман Мейлер». Я еще не знал тогда, что Мейлер летит вместе с сыном в Москву буквально на один день на поминки по Артему Боровику. А Сережа подзуживает: «Давай к нему подскочим?» Я говорю: «Ты что? Как это можно - подойти к самому Мейлеру? Ведь он в Америке все равно, что у нас в России... Нет, не найду даже эквивалента. Но, может быть, и впрямь стоит попробовать?» Подхожу к живому класснику, который спокойно дремлет в своем кресле. Это и понятно - лететь-то почти десять часов. А тут - мы с Сережей. Представляю: «Мистер Мейлер, вы меня не знаете, я - российский ток-шоумен». Он спросонья недоумевает: «Ну и что из этого?» И правильно, чего ему стесняться в выражениях? Я тем не менее продолжаю: «Да вот, очень хотелось бы пригласить вас на свою передачу». Он: «А о чем она?» Я говорю: «Это чисто мировоззренческая передача, и ее главным героем всегда является мировоззрение. Причем нашему зрителю просто негде больше подключиться к данной теме, нет другой такой телерозетки». Мейлер: «А что это за черт такой - мировоззрение? Что мы с вами будем обсуждать?» Я: «Мы будем говорить о том, что такое любовь и в чем смысл жизни». Он хохочет: «И что же такое, по-вашему, любовь? Я сам тридцать лет жизни отдал изучению этого вопроса, но так ничего в нем и не понял». Я отвечаю: «Ну а я только то и сделаю, что процитирую вам Рильке: «Любовь - это кричащее отсутствие». Он пожимает плечами: «Кричащее отсутствие? Интересно... Хорошо, а смысл жизни в чем?» Я говорю: «У меня для этого есть только одно слово: «Смысл жизни в экспансии». Мейлер хмыкает: «Дайте-ка подумать...» И после паузы: «Знаете что, завтра у меня будет немного свободного времени. Так что, пожалуй, я к вам все-таки приду». После чего я звоню нашим редакторам, прошу их извиниться перед гостем, приглашенным на завтра, и перенести встречу с ним на следующий день. А к нам на передачу действительно явился собственной персоной Норман Мейлер (правда, плохо выпавшийся после полета).

- Но все ли зрители смогли, по-вашему, оценить по достоинству уни-

- Знаете, такое с нами обычно случается где-то лет в тридцать, когда к тебе приходит первая волна славы и это поневоле тебя гипнотизирует. Но эта слава обязательно уйдет, волна спадет. И тут ты обнаруживаешь, что самое страшное - это вовсе не испытание «медными трубами». На осознание этого факта и ума, и воспитания хватает, как правило, у всех. А вот как пережить момент, когда они стихают, - вопрос другой...

- С вами это случалось?

- Конечно.

- Но вам это, судя по всему, никак не мешало вновь и вновь набирать высоту. И с каждым разом, на мой взгляд, все выше и выше.

- Да не я это, не я!.. Это тот мой продукт, который я выдаю в эфире. И до тех пор, пока он будет нужен, я буду востребован. Вот потому-то люди, принимающие важные решения, и приглашают к себе на дачу нашего брата-телевизионщика. Вот откуда идет наше влияние - и больше ниоткуда.

- А как же пресловутое «влияние литературы»?

- Да, но характер нашего телевизионного признания отличается от писательского кардинально. Я в свое время попытался квантифицировать, то есть перевести в цифры, такую на первый взгляд неуловимую материю, как художественность. И выяснил, что

Через месяц - совсем не захочешь смотреть. А через год разве что вспомнишь их в самых общих чертах.

- То есть, по-вашему, телевидение - это не искусство?

- Да, телевидение не искусство. Это некая форма жизни, но не биологическая, а, так сказать, ноосферная, целиком принадлежащая ноосфере. В этом смысле «Турецкий марш» Моцарта - такая же реальность, как, предположим, Ниагарский водопад (хотя многие из нас его не видели воочию, но мы знаем, что он существует). Точно так же и «Турецкий марш» - то, что его сейчас как бы и нет, ничего еще не значит. Достаточно вставить кассету, нажать кнопку и он зазвучит, то есть станет слышимой реальностью. Где он был раньше? В ноосфере, мыслящей оболочке Земли. В этом смысле телевидение есть не что иное, как совершенно новая форма жизни.

- Ну, что касается вашей телевизионной (и не только) продукции, то ее масштабы просто-таки поражают воображение. Речь в данном случае идет о грядущей презентации вашего нового грандиозного проекта на ОРТ под названием «Народ против», а чуть позже - компакт-диска с песнями группы «Антропология», где вы выступаете уже в качестве рок-певца...